

- цивілізацій» / рэдкал.: В. Скалабан (гал. рэд.) [і інш.] — Мінск: Беларус. кнігазбор, 2001. — С. 135—141.
2. Белявина, В.Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В.Н. Белявина. — Минск: Беларусь, 2013. — 396 с.
  3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Экаперспектыва, 2007—2011. — Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай Імперыі. (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. — 2007. — 519 с.
  4. Дело по надзору за выполнением фабричного законодательства на обойную фабрику Конторовича // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Фонд 311. — Воп. 1. — Спр. 119.
  5. Михневич, Л.М. Торговля Белоруссии (1900—1970 гг.) / Л.М. Михневич. — Минск: Наука и техника, 1973. — 222 с.
  6. Переписка Киевского отдельного акционерного общества «Байер и К^о» с обойной фабрикой Конторовича К.М. в г. Минске и др. лицами о технологии производства лаков, красок и рецепты их для обойной глянцевой бумаги // Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве. — Фонд 1724. — Воп. 1. — Спр. 276.
  7. Список фабрик и заводов, сокративших производство с 20 июля по 1 ноября 1914 г. // НГАБ. — Фонд 311. — Воп. 1. — Спр. 72.
  8. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900—1917) / под ред. Г.Т. Ковалевского [и др.]. — Минск: Изд-во АН БССР, 1963. — 420 с.

Алиева Людмила Владимировна

Псковский государственный университет (Псков, Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВСЛЕДСТВИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война стала важнейшим фактором трансформации социального пространства всех воюющих стран. Не являлась исключением и Российская империя, включая все ее регионы, в том числе и Псковскую губернию. Одним из показателей произошедшей трансформации являются данные о поголовье скота, собранные в ходе первой выборочной 10-процентной сельскохозяйственной переписи 1919 г. в России, содержащиеся в статистических картах обследований крестьянских хозяйств ряда уездов Псковской губернии (в частности, Новоржевского, Островского, Опочецкого, Порховского и Торопецкого).

Обследование проводилось выборочно, по отдельным волостям названных уездов, и учитывало показатели в хозяйствах, расположенных на надельных и частновладельческих землях. Неполный территориальный охват первичных данных — одна из трудностей, с которой мы столкнулись при попытке сравнительного анализа статистических данных о динамике поголовья скота. В Новоржевском уезде обследовались крестьянские хозяйства на надельных землях семи волостей (Захонской, Бежаницкой, Барановской, Кудеверской, Жадрицкой, Новинской и Аксеновской) и на землях частных владений (без Захонской волости). В Островском уезде обследование охватило надельные земли шести волостей (Вышгородской, Толковской, Коршевской, Туровецкой, Лисинской, Мясовской) и частные владения только Вышгородской и Коршевской волостей. Данные были собраны по хозяйствам, расположенным на надельных землях Полянской, Жадринской, Велейской, Покровской, Печано-Горайской, Копылковской и Глубоковской волостей Опочецкого уезда, а также по частновладельческим территориям вышеназванных волостей того же уезда, за исключением Глубоковской. В Порховском уезде обследованию подверглись крестьянские хозяйства надельных земель Дновской, Нижнешелонской, Вышегородской, Сорокинской и Верхнешелонской волостей и хозяйства частновладельческих земель тех же волостей, за исключением Сорокинской. Только в Торопецком уезде территориальные границы обследования надельных и частновладельческих земель совпали, охватив территорию Старинской, Сиверстской, Архипово-Некрасовской, Бубновской, Пожинской, Прилуцкой и Туровской волостей.

Вторая проблема, с которой нам пришлось столкнуться, — отсутствие данных о численности поголовья скота за 1918 г. по частным владениям Островского уезда, а также полное отсутствие данных о численности поголовья скота за 1918 г. в Порховском уезде. Таким образом, промежуточные данные за 1918 г. не совсем полно отражают динамику изменения численности поголовья скота на изучаемой территории. Пустяком на этом фоне кажется полное отсутствие данных о поголовье коз на частновладельческих землях Островского уезда, которое, вместе с тем, также вносит коррективы в исследуемую динамику.

Общее количество дворов, принявших участие в обследовании, на 1917 г. составляло 12 201, на 1919 г. — 14 826 [1, л. 1, 6, 10, 11, 17, 24, 39]. Таким образом, к 1919 г. количество дворов увеличивается на 21,5%. Одним из объяснений увеличения численности крестьянских дворов является рост числа семейных разделов в условиях перераспределения земельного фонда в рамках «черного» передела.

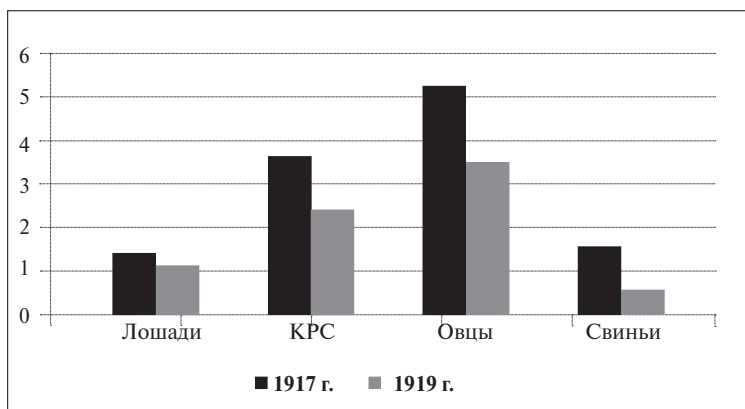
Сводная картина численности поголовья скота на изученной статистиками территории представлена в таблице [1, л. 2, 5, 8, 11, 13, 16, 20, 23, 38, 41]:

Категории скота	Численность поголовья (по годам)		
	1917	1918	1919
Лошади	16 868	12 007	16 805
Крупный рогатый скот	44 992	25 963	35 699
Овцы	64 932	44 061	51 592
Козы	31	42	57
Свиньи	18 599	7476	9166
Всего	145 422	89 549	113 319

Анализ данных показывает, что к 1919 г. в целом отмечается снижение численности поголовья скота на 23,1%. К 1919 г., по отношению к 1917 г., снижается поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней. Сокращение поголовья овец и свиней в это время отмечается повсеместно, что явилось одним из результатов реквизиций и убоя на «пропитание» [2, с. 249]. Наиболее показательным является снижение поголовья свиней — на 50,8%. На наш взгляд, это было связано с невозможностью содержания свиней в условиях сокращения кормовой базы. По данным обследования, динамика численности крупного рогатого скота, равно как и количества посевных площадей, т. е. факторов, способствовавших развитию свиноводства, — негативная. На 20,7% сократилось поголовье крупного рогатого скота, увеличить которое в перспективе было не так просто в силу естественных причин (длительный рост и набор веса) и сложности содержания. Падение численности крупного рогатого скота могло бы быть и большим, если бы не прогрессирующая натурализация крестьянского хозяйства в условиях войны, когда крестьянин стремился развивать только выгодные ему отрасли. Количество лошадей остается практически неизменным, что вполне объяснимо. Поскольку в крестьянских хозяйствах Псковской губернии основную роль играло полеводство, крестьяне были особенно заинтересованы в сохранении рабочего скота до времени общего экономического подъема. Недосевы полей рассматривались как явление временное, поэтому крестьяне неохотно расстава-

лись с лошадьми, ведь утрата лошади означала утрату хозяйственной самостоятельности. Поголовье коз неуклонно растет (несмотря на их незначительную долю в хозяйствах Псковской губернии), что, видимо, было призвано компенсировать сокращение численности крупного рогатого скота.

Падение поголовья особенно отчетливо прослеживается при расчете средней обеспеченности скотом крестьянского двора. В среднем лошадей в 1917 г. приходится 1,4 на двор, а в 1919 г. — 1,1. Обеспеченность крупным рогатым скотом сокращается с 3,7 в 1917 г. до 2,4 в 1919 г. В 1917 г. овец на двор приходится 5,3, в 1919 г. — 3,5. Поголовье же свиней сокращается с 1,5 в среднем на двор в 1917 г. до 0,6 в 1919 г.

*Динамика средней обеспеченности
крестьянского двора Псковской губернии скотом в 1917 и 1919 гг.*

Анализ данных численности поголовья скота в Псковской губернии в 1917—1919 гг. показывает, что Первая мировая война явилась тяжелым испытанием для сельского хозяйства. Поголовье скота в крестьянском хозяйстве было одним из показателей успешности и устойчивости его развития, и сокращение поголовья является не только безусловным свидетельством кризисных явлений в деревне, но и демонстрирует способность крестьянского двора чутко и достаточно оперативно отзываться на вызовы времени, какими бы сложными они ни были.

Библиографический список

1. Государственный архив Псковской области. — Фонд Р-201. — Оп. 1. — Д. 5.
2. Саблин, В.А. Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России (1917—1920) / В.А. Саблин. — М.: Academia, 2009. — 432 с.